

Марина
СЕРОВА

Коварство дамы трюф

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова
Коварство дамы трэф

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Коварство дамы треш / М. С. Серова — «Эксмо»,
2017 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-699-99429-8

Мир — игра в покер, где каждую минуту люди, как карты, сходятся в самых неожиданных комбинациях. Телохранитель Женя Охотникова тоже в игре: по заданию полиции она внедряется в круг картежников, чтобы завести знакомства по возможности с тузами, хотя и шестерками в этом раскладе пренебрегать не стоит. Самое интересное начнется, когда игроки станут блефовать и шестерки попытаются притвориться тузами. Хотя кто сказал, что хороший бодигард — обязательно плохой карточный стратег?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99429-8

© Серова М. С., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марина Серова

Коварство дамы трэф

© Серова М.С., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

Добираться до места назначения только на такси, носить исключительно темно-синий брючный костюм-тройку, красить губы единственным оттенком красной помады, улыбаться дежурной улыбкой и носить в сумочке липовое удостоверение...

– Евгения Охотникова. Адвокат. К Ветлицкому, – рублеными фразами говорю я. Здесь все говорят именно так, и я быстро переняла эту манеру.

Охранник по ту сторону разделительного стекла смотрит на меня, потом на удостоверение и снова на меня. Делает какие-то пометки в журнале и кивает:

– По лестнице на третий этаж, потом повернете...

Я не слушаю напутствия служителя порядка: мне это незачем – слишком хорошо знакома дорога. Вот уже вторую неделю подряд я прохожу этот путь – от пункта охраны прямо по коридору, затем вверх долгих три лестничных пролета и снова пункт проверки документов, на этот раз более тщательной, после которой проверяющий звонит вышестоящему начальству и вызывает конвоира для сопровождения в комнату, где меня уже ждут.

– К Ветлицкому, – снова должна повторить я и без лишних разговоров передать свою сумочку на проверку.

Ключи от квартиры, губная помада, пара мятных конфет. Ничего подозрительного в ридикюле носить нельзя – это еще одно негласное правило здешних застенков, которое я быстро усвоила. Досмотр, очередной звонок и еще одна пометка в журнале – вся процедура занимает не более двух минут, и вот я уже в сопровождении конвоира иду по длинному коридору. Идем долго, я сбиваюсь с направления из-за многочисленных поворотов, и наконец мы останавливаемся около одной из дверей. Только здесь мой сопровождающий впервые смотрит на меня – хмуро и без интереса.

– У вас пять часов. Сейчас десять утра, – он смотрит на наручные часы. – Вернусь за вами в три.

Я киваю, толкаю дверь и делаю шаг вперед.

– Здравствуй, Ник, – говорю я человеку, который уже ждет меня.

В скудно обставленной комнате за столом сидит пожилой мужчина в неврачной арестантской одежде. (Хотя я бы не стала ручаться, что ему больше тридцати пяти.) У него на голове нет ни одного седого волоса, да и морщины на лице еще не успели проявиться, но усталый взгляд этого человека и разочарованная усмешка, которая часто кривит его тонкие красивые губы, говорят о том, что это бывалый волк... «Такие, как он, просто так в руки полиции не попадаются», – было первое, о чем я подумала, когда впервые увидела Ника Ветлицкого. Слишком настороженный, слишком суровый, слишком хитрый. В нем вообще всего слишком. Но факт остается фактом – Ник Ветлицкий вот уже месяц как сидит за решеткой.

За моей спиной закрывается дверь, лязгают замки. Стоя у порога, я слышу, как гулко стучат по бетонному полу каблуки казенных ботинок – это удаляется мой конвоир. Только когда его шаги растворяются в глубине коридора, я прохожу вперед, сажусь напротив Ника и произношу привычную фразу:

– Начнем?

Мужчина кивает, опускает правую руку в карман арестантской робы и достает колоду карт, которую кладет на середину стола. Я снимаю пиджак и вешаю его на спинку соседнего стула, закатываю рукава белой блузки, беру карты, быстро-быстро тасую их под внимательным взглядом Ника и сдаю. В абсолютной тишине каждый из нас берет свою стопку, и мы начинаем играть.

Несколько часов подряд на столе вскрываются карточки разных мастей. Ник одобрительно кивает, иногда хмурится. А я только сосредоточенно смотрю на деревянную столеш-

ницу, на который пестрят карты. Это не азарт и не игровой дурман – это учеба. Только к концу пятого часа, когда очередная партия сыграна в мою пользу, Ник откидывается на спинку стула и произносит:

– Из тебя могла бы получиться отличная мошенница.

Это высшая похвала от скупого на слова и эмоции Ника. Я невольно улыбаюсь.

– Но ты никогда такой не станешь, – тут же припечатывает мой противник.

Я удивленно дергаю бровью:

– Никогда? Почему же?

Не то чтобы мне досадно или обидно – мне просто любопытно.

– Ты чистоплюйка, – ровным тоном говорит он.

В другой ситуации я бы вспылила – во мне очень силен дух противоречия. Но этого чудного человека с цепким взглядом и неспешными повадками я всегда слушаю внимательно.

– Такие, как ты, никогда не врут, не предают, не способны на подлость. Честь и совесть для вас – это все. Вы видите только черное и белое, добро и зло, виновных и жертв. А жизнь – она разная, и люди разные. И когда садишься за покерный стол, это особенно важно помнить. Бывает, что тот, кого ты по жизни считал трусом и слабаком, вдруг ставит на кон все, даже свою жизнь. Или неудачник и рохля за покерным столом превращается в чертовски везучего человека, который собирает весь банк...

Я слушаю Ника не перебивая, ловя каждое его слово. А он еще долго рассуждает о превратностях карточного мира, о людях и их характерах, о том, что такое фан-фаталь и откуда взялась присказка о том, что новичкам всегда везет. Когда он замолкает и тянется за пачкой сигарет, я наконец задаю вопрос, который мучает меня все эти дни:

– А какой он?

Пауза. Я жду, когда Ник прикурит сигарету. Голубовато-желтый огонек бросает блики на его черные волосы и нахмуренный лоб. Мой собеседник медленно раскуривает сигарету и поднимает голову. Его глаза впиваются в мои.

– Я имею в виду Антона Кронштадтского, – заканчиваю я фразу, когда наши взгляды встречаются.

Ник выдыхает в сторону пряный табачный дым.

– Скоро узнаешь.

Глава 1

Он был выше меня на голову, худощавый, с черными как смоль волосами и болезненно-бледным лицом. Скорее всего, он специально не брился, и часть его лица все время была скрыта небрежной трехдневной щетиной, отчего он казался намного старше своих лет. Небрежная размашистость отличала все его движения: рассказывая что-то и при этом увлеченно жестикулируя, он мог нечаянно столкнуть локтем бокал со стола, а потом с ловкостью дикой кошки подхватить его почти у самого пола. Небрежность сквозила в кривой улыбке, когда он потягивал терпкий виски и внимательно слушал собеседника – то ли сомневался в том, что ему говорят правду, то ли откровенно насмехался над тем, что слышал. А быть может, он только делал вид, что слушает, а сам в этот момент думал о чем-то своем? Я никогда не могла этого понять. И даже дорогие кипенно-белые рубашки он умудрялся носить как-то небрежно – закатав рукава и никогда не застегивая ворот на верхние пуговицы. Пожалуй, его наружность вкупе с повадками можно было считать вызывающей и даже отталкивающей, не будь он так чертовски хорош собой.

А я... я была одной из тех, кого называют серой массой, – не слишком высокого роста, достаточно худая, чтобы считаться стройной, но никак не дотягивающая до категории фигуристых, с копной темно-русых волос, которые я всегда забирала в хвост или прятала под бейсболку. Я упорно не признавала стиль и моду, предпочитая кокетливым платьям и мини-юбкам практичные джинсы и удобный пуловер (я вообще терпеть не могла жеманства и прочей бабской бутафории). Как все одиночки, я была резка, скупа на эмоции и прагматична.

Он вел замкнутый и исключительно ночной образ жизни, часто менял авто и не выносил табачного дыма. Ни один человек не знал, где он живет и чем занят в светлое время суток, и я сама никак не могла это выяснить. Он был законченным мизантропом и потому несносной натурой – сомневаюсь, что какая-либо женщина могла ужиться с ним на одной территории дольше пары недель, хотя претенденток наверняка было множество. Меня же все видели только днем, в уставшей и отупевшей от однообразных рабочих будней толпе. И где бы я ни находилась, что бы ни происходило вокруг меня – мое место всегда было в самом конце колонны. А еще я много курила, ни на что бы не променяла свой старенький «фольк» и категорически не признавала семейный быт.

Он громко смеялся над пошлыми шутками – я терпеть не могла юмор ниже пояса. Он пил виски «Ред Лейбл» – я предпочитала коньяк. Он был до чертиков азартной натурой – я была равнодушна к превратностям судьбы, измеряемым в твердой валюте. Его часто видели в компании высоких молодых блондинок – я же была далека от формата куклы Барби. Он никогда не обратил бы внимания на такую особу, как я. Я бы предпочла никогда не иметь дела с таким типом, как он. У меня нет – да и не могло быть – ничего общего с этим человеком, но тем не менее вот уже вторую неделю подряд я делала все для того, чтобы встретиться с ним.

Я выходила из дома ровно в восемь вечера, когда на улицах уже давно горели фонари. Мои глаза с тоской смотрели на ртутно-желтые окна домов – там в этот час законопослушные граждане собирались за ужином в кругу семьи. С неба сыпала ледяная изморось, мои легкие сапожки увязали в грязных лужах, а промозглый студеной ветер забирался под полы легкого плащика, который я таскала в середине октября совсем не по погоде. Больше всего в такие вечера хотелось запереться дома, забраться в кресло с чашечкой свежесваренного кофе и закурить сигарету. Но я плотнее запахивала ворот плаща, ежилась и, проклиная свою неугомонную натуру, спешила на другой конец двора – туда, где был припаркован мой старенький «фольк». А потом гнала по ночным улицам, не обращая внимания на скоростные ограничения и не притормаживая на поворотах, – гнала через весь город ради того, чтобы

оказаться в одном из зланных мест Тарасова за карточным столом и до одури разыгрывать одну партию в покер за другой в тайной надежде, что рано или поздно здесь появится ОН.

Ночная жизнь, плотный сигаретный дым, пронизанный терпким запахом дорогого одеколona и виски, наэлектризованный азартом, стопки разноцветных фишек, рассыпающиеся по столу, и хруст очередной вскрываемой колоды карт... Я быстро влилась в этот иллюзорный параллельный мир, где не имеет никакого значения, кто ты: рядовой менеджер, напыщенный чиновник или беспечный прожигатель жизни без гроша за душой. Здесь никому нет дела до того, сколько стоит костюм, который ты наденешь завтра утром на работу, и пойдешь ли ты на работу вообще – здесь все равны перед Фортуной. Это очень важно помнить, когда ты садишься за игровой стол и рассчитываешь уйти не с пустыми карманами или хотя бы остаться при своих интересах. Эту простую истину я не раз слышала от своего «учителя» и хорошо ее усвоила.

Сегодня я должна сорвать банк. Нет, дело не в деньгах, не в нужде, не в принципе: я не играю на спор, и мне по натуре чужд азарт. Но уйти рано утром в дурном угаре, окончательно ошалев от выкуренных сигарет и с сумочкой, набитой купюрами, – это моя работа.

Когда я оставила без гроша каждого, кто имел несчастье оказаться со мной за одним столом, в первую ночь моего посещения тарасовского игорного заведения под названием «Темная сторона», большинство списало это на волю случая – мол, новичкам всегда везет. Когда и во вторую ночь все фишки с игрового поля перекочевали в мою сторону, и ставки больше было делать не на что, а желающих играть со мной не осталось, то по лицам присутствующих стало ясно, что мириться дальше с появлением везучего новичка никто не намерен. На третью ночь все повторилось в точности. Фортуна была на моей стороне и в четвертую ночь. «Эх, до чего лиха и везуча девка!» – выдохнул тучный господин в дорогом костюме и часах на золотом браслете, один из тех, кого я обыграла в этот раз. Я в ответ только криво усмехнулась, сгребла фишки со стола и решительно поднялась с места: «Спасибо за игру, джентльмены! До завтра!»

А назавтра произошло то, ради чего я и подписалась на эту нелегкую работенку и исправно таскалась в подпольный игорный клуб, попутно теша свое самолюбие и щекоча нервишки тамошней аудитории. На следующую ночь в зале наконец появился ОН.

Шел второй час ночи, за игральным столом нас собралось всего трое – толстяк, что назвал меня лихой девкой и теперь пытался отыгаться за прошлые поражения, и человек неопределенного возраста по имени Кравец (то ли это было прозвище, то ли фамилия – черт его разберет!). Кравец слыл диким неудачником, за игровой стол он садился всего пару раз в месяц (скорее всего, в дни полочки и аванса), а все остальное время, как голодная гиена, истекающая слюной, шатался между покерными столами и заглядывал за плечи игроков. Мне было жаль оставлять мужика без гроша, но приходилось подкреплять репутацию лихой везучей девки – этого требовала моя работа.

Игра, исход которой уже был предрешен в мою пользу, близилась к концу, когда в зале, погруженном в полумрак, появился высокий худошавый мужчина средних лет. Он скинул свое пальто в руки одного из официантов, которые постоянно сновали по темному залу, неизменно оказываясь рядом в тот момент, когда требовалась их помощь – отнести верхнюю одежду в гардероб, наполнить бокал очередной порцией горячительного или сменить фишки за игорным столом. Пары секунд мужчине хватило, чтобы окинуть цепким взглядом весь зал. Когда он полоснул серыми глазами по игральному столику, за которым сидела наша честная компания, я невольно опустила взгляд в карты. Но его внимание тут же скользнуло мимо, и я немного расслабилась. Он постоял в дверях, одним движением руки взъерошил волосы и решительно прошел к барной стойке. «Значит, не собирается сегодня играть», – разочарованно подумала я, выкладывая на стол очередную комбинацию из старших карт.

Важно было не потерять суть игры, но мое сознание теперь было полностью приковано к барной стойке и высокому худому мужчине.

Он заказал виски, перекинулся парой фраз с барменом, а потом к нему подсел какой-то седой джентльмен в дорогом костюме. На несколько минут я отвлеклась на игру, а когда снова бросила взгляд в дальний угол зала, то увидела, что новый посетитель «Темной стороны» смотрит прямо на меня. Его седой собеседник куда-то испарился, сам он сидел впол-оборота к залу, медленно потягивал виски и откровенно меня разглядывал. Бармен, который несколько минут назад подавал ему спиртное, облокотившись на стойку, что-то шептал – я видела, как быстро-быстро он шлепал губами, то и дело кивая в мою сторону. Пронырливый мальчишка явно рассказывал о новой гостье, которая вот уже несколько ночей подряд срывает банк. Здесь мало кого интересовало, как тебя зовут и откуда ты, но о том, сколько раз человек ушел с выигрышем и на какие ставки играет, могли сообщать с точностью до рубля. А может быть, он нашептывал, что эта удачливая особа в первый же вечер своего появления в клубе расспрашивала каждого второго о высоком, худощавом и чертовски везучем брюнете, который иногда появляется в «Темной стороне»? Так или иначе, сейчас этот самый брюнет сидел неподалеку за барной стойкой, пил спиртное и пялился на меня.

«Кажется, план работает», – подумала я и, расслабившись, полностью погрузилась в игру, больше не бросая косые взгляды в сторону барной стойки. С дядькой, страдающим отдышкой, и типом по имени Кравец я разыграла еще одну разгромную партию, отработанным жестом заправской картежницы вскрыла на стол одну карту за другой, мило улыбнулась и прочиткала: «Мальчики, кажется, вам опять не повезло». Очевидно, и меня захлестнул азарт: я так увлеклась собиранием фишек со стола, что не заметила, как брюнет, вызывавший во мне столь жгучий интерес, поставил на стойку недопитый бокал виски и поднялся с высокого стула. Я вскинула голову, когда он уже стоял напротив меня, небрежно заложив руки в карманы, раскачиваясь на каблуках идеально начищенных ботинок и хитро ухмыляясь.

– Кажется, вам сегодня везет, – произнес он, глядя мне прямо в глаза (он всегда смотрел прямо в глаза). – Сыграем?

Так началось мое знакомство с Антоном Кронштадтским.

О том, что за тип этот господин Кронштадтский, я была наслышана. Садиться за один игровой стол с ним значило обрекать себя на фатальный проигрыш. В мутном и темном болоте, где обитали тарасовские любители праздного разгула, азарта и взвинчивания нервов, ходили разные слухи о везучести Антона. Одни уверяли, что в далеком прошлом он был блестящим математиком и талантливым шахматистом и мог просчитывать комбинации на сотни ходов вперед, не говоря уже о том, чтобы запомнить с десяток карт, выбывших из колоды. Другие свято верили, что Кронштадтский – тонкий знаток психологии, и корни его везучести кроются в умении блефовать и вводить противника в заблуждение. Третьи выносили однозначный вердикт: «Мошенник он!», а в качестве довода припечатывали: «Ну не может человеку так фатально везти». Что же на самом деле представлял собой этот брюнет в дорогих костюмах и с неизменной саркастической улыбкой на губах, мне и предстояло выяснить.

Я смерила своего нового знакомого хитрым взглядом, сделала большой глоток терпкого виски, еще раз глянула на него из-под ресниц и наконец согласилась:

– Сыграем.

И завертелось... Начали с небольших ставок и игры вничью: просто присматривались друг к другу, к манере противника играть. Мой новый знакомый часто шутил, то и дело прикладывался к бокалу виски и с легкостью расшвыривал проигранные фишки, но при этом зорко следил за всем, что происходило на полуметровом пространстве игрового поля, разделявшего нас. Я тоже держала ухо востро, предчувствуя, к чему приведет эта игра. И чем дольше мы играли, тем очевиднее это становилось.

В очередной раз раскрыв карты, я глянула на немудреный расклад: две шестерки, валет и девятка – попросту шушера, с такими только сбрасывать ставки и пасовать. Но у меня были хорошие учителя, да и сама я кое-что смыслила в тонкой игре под названием «блеф». «Четыре туза в рукаве мне в помощь», – подумала я, а вслух сказала:

– Удваиваю ставки.

Мой противник улыбнулся, одобрительно кивнул и тоже придвинул на середину стола свои фишки:

– Принято!

– Еще столько же. – Я решила играть по полной.

Кронштадтский улыбнулся еще шире, но серые глаза оставались совершенно непроницаемыми и смотрели на меня в упор.

– Аналогично. – И снова зашуршали фишки по столешнице.

Я опустила глаза в свои карты – две шестерки и девятка... Медленно, не отводя взгляда от противника, я положила карты на стол рубашками вверх, выждала пару секунд, словно обдумывая что-то (хотя о чем тут было думать?). Потом откинулась на спинку стула и побарабанила пальцами по столешнице. Я не могла точно сказать, что за человек сидит напротив меня – талантливый математик или обычный аферист, – но одно мне было ясно: сейчас он точно знает, какие карты у меня на руках. И оттого он с особым наслаждением наблюдал за моим маленьким спектаклем, и уголки его губ насмешливо подрагивали, а в мыслях он уже явно сгребал все фишки со стола и направлялся к выходу. Здравый смысл подсказывал, что пора остановиться и позволить ему выиграть. Но мне во что бы то ни стало требовалось зацепить этого человека, которого едва ли что-то способно было удивить. И я растянула губы в самой приторной улыбке, на которую только была способна, и объявила:

– Ставлю все.

Кронштадтский явно едва сдержал смехок. Чертов мужик! Сейчас ты у меня узнаешь, почем фунт лиха!

– Точно?

– Без сомнений.

– Вы рискуете.

– Вы тоже! – довольно нагло для данной ситуации заявила я.

– Кто знает... – мягко произнес мой визави.

И ведь что-то же знал этот шельмец! Во всяком случае, наверняка знал, что сейчас передо мной лежит «пустышка» из карт.

– Вы, кажется, абсолютно уверены в своем выигрыше. Так отчего тянете время?

– Делаю скидку на то, что напротив меня сидит очаровательная девушка, и даю вам возможность еще раз подумать.

– А вы не делайте скидок.

Уголки губ Кронштадтского снова дернулись в улыбке – на этот раз не притворной.

– Принято! – легко согласился он и сдвинул свои фишки на середину стола. – Вскрываемся?

– Предоставлю вам право сделать это первому.

Мой противник молча кивнул и одного за другим выложил на стол четырех королей.

– Каре, – вздохнула я.

– Как видите, – развел руками Кронштадтский. – Я искренне хотел вас предупредить.

– Я так и поняла, – кивнула я, склонив голову набок и глядя в серые глаза своего противника. Они по-прежнему не выражали ничего.

Разочарованно отводя взгляд, я еще раз вздохнула и одним ловким движением опрокинула свои карты рубашками вниз.

– Четыре туза, – вкрадчиво произнесла я. – Вы проиграли.

На секунду губы Кронштадтского сжались чуть плотнее обычного – вот и вся реакция на проигрыш.

– А вы действительно везучая, – одобрительно кивнул он. – Сто тысяч – немалая сумма для одного вечера. Как вас зовут?

– Женя.

– Я бы с удовольствием сыграл с вами еще партию-другую, но на сегодня вы умудрились обождать меня до нитки... Женя. Может быть, когда-нибудь еще свидимся с вами за игральным столом. Я люблю достойных противников. Спасибо за игру!

Кронштадтский залпом допил оставшийся виски, поморщился, встал и, не прощаясь, зашагал к тяжелым портьерам, которые скрывали выход из прокуренного подвального казино. Я осталась одна, на столе по-прежнему лежали вскрытая колода и гора фишек, которую я не спешила менять на деньги. Мне некуда было торопиться: в том, что я успею догнать заносчивого брюнета, у меня не было никаких сомнений.

Пока крупные менял разноцветные фишки на хрустящие купюры, я заказала порцию коньяка и успела выкурить сигарету. И только после этого поднялась из-за столика, сложила купюры в сумочку, застегнула тугой клатч и направилась к выходу. За моей спиной тяжело сомкнулись портьеры – и гулкий шум игорного зала, любопытные взгляды и густой дымный воздух остались позади.

Уверенным шагом я поднялась по ступенькам. Здесь почти не было света, не считая тусклой подсветки, просачивающейся откуда-то из-под потолка, но за несколько вечеров, проведенных в злачном местечке, я отлично выучила этот путь и могла пройти его с закрытыми глазами: пять ступенек прямо вверх, затем направо, еще семь ступенек вверх, круто налево – и вот уже я на крошечном пяточке три на два метра. Официально этот пяточок именуется гардеробной, но только новичок по неопытности может оставить здесь свой плащ или пальто. На самом деле это так называемый контрольный пункт, где каждого выходящего отслеживают широкоплечие парни в черных джинсах и обтягивающих майках, под которыми перекачиваются стальные мускулы. Я так и не поняла в точности, как они это узнают (возможно, зал нашпигован камерами наблюдения, или информацию сообщают официанты, снующие среди игроков), но парни на контрольном пункте всегда в курсе, кто из посетителей покидает заведение с пустыми карманами, а у кого бумажник распирает от купюр. Последним бравые ребята предлагают свои услуги – проводить до дома или просто вызвать такси.

Меня не интересуют услуги ни первого, ни второго рода. Эти ребята уже запомнили, что я покидаю их заведение без сопровождающих и на своем авто, но тем не менее они делают шаг вперед, когда я появляюсь на последней ступеньке лестницы.

– Спасибо, сама, – произношу я дежурную фразу.

Парни растворяются в полумраке, мудреный механизм тяжелой металлической двери щелкает, когда дверная ручка опускается вниз, – и вот я наконец на свежем воздухе. Ноги налиты свинцом от усталости, а в висках начинает пульсировать тупая боль – первый признак надвигающейся мигрени. Крепкий сон или чашка черного кофе – вот мое спасение сейчас. Но ни того ни другого в ближайшее время не предвидится – у меня еще есть кое-какие планы на эту ночь. Я встряхиваюсь, расправляю плечи, делаю пару шагов вперед и оглядываюсь.

Окраина города. Глубокая ночь. Или, вернее, ранний-ранний рассвет, когда уличные фонари еще не погасли, но чернильная темнота уже начинает редеть, и сквозь нее просачиваются сизые клочья предрассветного тумана. Он выползает из грязных подвалов и мрачных подворотен и сначала стелется под ногами, а потом, словно выедавая темноту кусок за куском, поднимается выше, пока не достигнет крыш многоэтажек. Там и повиснет он на весь день густой пеленой, а люди, привычные к сумрачной и слякотной осени, будут считать эту белесую муть началом светового дня.

Краем глаза я увидела, как от стены отделилась какая-то тень, шмыгнула вперед, на секунду исчезла, а потом напротив меня как из-под земли вырос маленький человек.

– Все сделал? – шепотом спросила я.

– А то! – шмыгнула носом темная фигура.

Она маячила в густой тени, которую отбрасывали растущие вдоль дороги деревья, и при других обстоятельствах я бы не смогла точно описать человека, с которым говорила сейчас. Но мне не раз доводилось пересекаться с ним днем, так что я отлично знала, что передо мной Пашка-малой – так прозвали этого десятилетнего оборванца местные кутилы. Он был сыном посудомойки из «Темной стороны» и, пока мамаша натирала до блеска рюмки и стаканы, тоже не терял времени даром и зарабатывал деньги как мог: выполнял разные поручения завсегдатаев игорного клуба, мыл машины за мелкую купюру, а может, и чем почище промышлял – этого уж точно сказать не могу.

При первом же посещении «Темной стороны» я завела с мальчишкой близкое знакомство: мило улыбнулась ему, промурлыкала: «Не в службу, а в дружбу», – и для укрепления дружбы сунула пацану пятисотрублевую купюру. Сегодня моя ставка наконец-то должна была сыграть.

– На какой машине он был? – быстро спросила я своего малолетнего информатора.

– Приехал около двух часов ночи на серебристой «Мазде». На ней же и уехал буквально десять минут назад.

– В какую сторону поехал?

– По Азина, – махнул рукой пацаненок в темноту и добавил с ухмылкой: – Да только вряд ли он далеко уехал.

Вот оторва!

– Знаешь, где он остановился?

– А то! Я все ладно устроил – авось не в первый раз. Он с такой поломкой дольше одного квартала уехать не смог. Кукует сейчас небось на Барнаульской.

Я не стала уточнять, откуда у мальчишки такой богатый опыт по части поломки чужих машин. Пацан сказал – пацан сделал, и по уговору ему полагалось вознаграждение за труд, пусть даже и не очень-то праведный. Поэтому я без лишних разговоров выудила из портмоне пару новеньких купюр:

– Спасибо!

– Вы того... Обращайтесь, если что еще надо будет. Я завсегда, – отрапортовал Пашка-малой и бесшумно исчез. Скорее всего, на сегодня он получил достаточно, чтобы отправиться восвояси.

Да и мне пора было поспешать. Подгоняемая нетерпением и порывами холодного ветра, я добежала до своего «фолька», запрыгнула в салон и тут же вдавила в пол педаль газа. Шины вжикнули по мокрому асфальту, машина ухнула в лужу и задом выехала на проезжую часть. Я крутанула руль резко влево, потом вправо, взяла нужный курс и погнала вниз по улице.

Пашка-малой не подвел: я заприметила серебристо-серую «Мазду» уже издалека – точно как он и говорил, на ближайшем перекрестке. Обездвиженная машинешка замерла у обочины, аккуратно под фонарным столбом. Дверца со стороны водительского сиденья была распахнута, вздыбленный капот подпирали щиток, а водитель сгорбился над металлическим нутром своего четырехколесного друга. Он даже не поднял головы, когда я, сбавив скорость до минимума, подрулила к нему: засучив рукава пальто, Кронштадтский попытался реанимировать свою машинку. «Зря стараешься, Пашка свое дело знает!» – мысленно усмехнулась я, поравнялась с «Маздой», опустила стекло и пригнулась к рулю, выжидая момент, когда неудачливый автолюбитель заметит меня. Но Кронштадтский продолжал возиться с провод-

ками и прочими премудростями иностранного автопрома и на подмогу явно не рассчитывал. Я коротко посигналила. Не разгибая спины, он бегло глянул в мою сторону.

– Нужна помощь? – как можно дружелюбнее спросила я.

– Спасибо, сам, – отозвался Кронштадтский, повыше закатал рукава пальто и снова погрузил руки внутрь капота.

То ли он не узнал меня, то ли не пожелал общаться с девицей, которая недавно обобрала его до нитки. Но не для того же я затевала весь этот спектакль и вообще две недели подряд рыскала по всем значным местам Тарасова, чтобы теперь просто сдаться и укатить восвояси! Придется действовать более решительно, если не сказать нагло.

Я нацепила на лицо специально заготовленную для такого случая непринужденную улыбку и выпорхнула из авто:

– Да брось, давай помогу! Ночь на дворе, дорога эта не особо проезжая, ты следующую попутную машину до утра можешь ждать. А на то, чтобы вызвать эвакуатор, денег у тебя, как я понимаю, не осталось...

На этот раз Кронштадтский удосужился выпрямиться и окинул меня оценивающим взглядом с головы до ног, а потом обратно. Когда его глаза остановились на уровне моих, он наконец ответил:

– Ну если ты в машинах разбираешься так же хорошо, как в картах...

Грубиян! А может, он просто догадался, что у меня было четыре туза в рукаве? Да нет, откуда бы...

Стараясь не терять дружелюбного тона, я продолжала:

– Может быть, в машинах я разбираюсь и не очень хорошо, но кое-чем точно помогу.

Кронштадтский демонстративно развел руками и посторонился. Минут пятнадцать я самозабвенно возилась в грязных внутренностях иномарки, потом скомандовала:

– Садись за руль и жми на газ!

Незадачливый автолюбитель кивнул и сделал то, что было велено. Машина с натугой заурчала, зафыркала, но с места не тронулась. Пашка действительно ладно сработал! Надо было ему, умельцу, побольше денег отсыпать. Через полчаса я уже по локоть вывозилась в грязи, а мой новый знакомый, растрепанный и злой, привалился к дверце своей несчастной машины и констатировал:

– Кажется, все зря.

– Похоже, что мотор вышел из строя. Теперь только новый ставить.

Кронштадтский неопределенно махнул рукой – то ли досадовал, то ли принял эту новость как данность.

– Хочешь, оставлю денег на эвакуатор? – предложила я ему, как старому приятелю.

– Да брось!

– Потом вернешь, – улыбнулась я.

Мой собеседник ответил вялой улыбкой.

– На самом деле мне недалеко идти, просто не хотел бросать тачку посреди дороги. Здесь такой райончик...

– Так давай довезу!

– Дойду...

– Дождь начинается. Куда ты пойдешь в такую погоду?

На улице и в самом деле начал моросить реденький дождик, небо побледнело, а кое-где в окнах окрестных домов зажегся свет. Теперь я могла получше рассмотреть лицо своего нового знакомого. Загадочный высокий брюнет оказался обычным мужчиной, хотя и не лишенным определенной привлекательности, но сильно уставшим, в измятой рубашке и выпачканном в грязи пальто. Встретив его при других обстоятельствах где-нибудь в кафе или просто на улице, я ни за что бы не подумала, что передо мной фантастический игрок.

– Может быть, ты из принципа не садишься в машину к девушке, которая обыграла тебя в карты? – насмешливо поинтересовалась я.

Кронштадтский скривил губы в ухмылке:

– Если тебя не смущает, что я перепачкаю тебе машину...

– Думаю, я сейчас выгляжу не лучше, – отозвалась я, запрыгивая за руль и заводя мотор. – Садись скорее, а то дождь усиливается.

Когда мой недавний противник устроился рядом, я спросила:

– Куда ехать?

– Подбрось до Гвардейской, а дальше я сам.

Я кивнула, нажала педаль газа, и «фольк» с пронзительным ревом рванул вперед, преодолевая тугую завесу дождя.

– Так как ты говоришь тебя зовут? Женя? – спросил вдруг Кронштадтский. И добавил: – А я Антон.

Я невольно расхохоталась.

– Что такое? – обернулся он ко мне.

– Странно все это, – покачала я головой.

– Что странно?

– Мы полночи провели за одним игральным столом, потом с час возились возле твоей машины. И вот только теперь ты соблаговолил назвать себя. Хотя для таких, как ты, это, может, и нормально...

Спохватившись, я прикусила язык, но было уже поздно: кажется, я выдала себя с головой. Кронштадтский отреагировал моментально:

– Что значит – для таких, как я?

– Ну... для игроков... – на этот раз осторожно подбирая слова, ответила я. – Вы ведь редко знаете реальные имена друг друга. Может быть, Антон – это тоже ненастоящее имя?

Что-то тревожное промелькнуло во взгляде моего попутчика. Или мне только показалось? Я на секунду оторвала глаза от дороги и глянула в его сторону, но он уже со скучающим видом изучал унылый пейзаж за окном.

– А ты? – вдруг задал он встречный вопрос.

– Что я?

– Ты разве не игрок?

– Скорее любительница, – небрежно пожала я плечами. – Не более того.

– Любители так профессионально не играют, – задумчиво покачал головой Кронштадтский. – Где ты этому научилась?

– Была парочка учителей, – туманно ответила я.

Дворники мирно скрипели по лобовому стеклу, по крыше барабанил не на шутку разошедшийся дождь, а машина лихо несла нас вперед по абсолютно пустой дороге. В какой-то момент меня охватило блаженное оцепенение: я забыла о том, что для меня начались вторые сутки без сна, что я чертовски устала и вымоталась. В сознании остались только шум дождя, черная лента мокрой дороги... и Антон. Да, он был грубоват, резок в манерах, и его трудно было разговорить, но я поймала себя на мысли, что все это мне чертовски нравится. Или после ночной промозглости меня просто разморило от автомобильной печки, работающей на полную мощность? А может быть, это блаженная расслабленность от сознания, что он у меня на крючке?

– Странно, что я не замечал тебя раньше в «Темной стороне», – так же неожиданно, как и прежде, подал голос мой попутчик.

– А я там никогда раньше и не появлялась.

– Отчего же?

– Не было необходимости, – не глядя на Антона, отозвалась я.

– А теперь есть?

Его голос не изменился, и взгляд оставался таким же непроницаемым, но я сразу уловила: он спрашивает это уже не просто для поддержания разговора – ему на самом деле интересно услышать ответ.

– Появилась, – коротко ответила я, стараясь оставаться загадочной особой.

Но Антон не стал продолжать начатый разговор, а вместо этого произнес:

– А вот и моя улица. Можешь остановить здесь. Спасибо, что подвезла.

Ощущение доверительной беседы внезапно рассыпалось, как картонный домик. Кронштадтский махнул рукой на прощание, распахнул дверцу авто, на секунду впустив в салон запах дождя и уличный шум, шагнул на тротуар, хлопнул дверцей – и все. Сквозь потоки дождя я видела, как он равнодушно уходит, высоко подняв ворот пальто, ссутулившись и не оборачиваясь. Так же равнодушно, как пару часов назад он проиграл мне в карты немалую сумму денег. Так же равнодушно, как потом согласился, чтобы я его подвезла до дома. Кто же он все-таки? Талантливый математик? Везунчик? Аферист? Впрочем, какая мне разница!

Мельком глянув в сторону домов, к которым направлялся Кронштадтский, я вдруг инстинктивно напряглась. Около подъезда одной из блочных пятиэтажек происходило что-то странное. Мой недавний попутчик, быстро шагающий куда-то в глубь дворов, резко остановился, помедлил секунду-другую, а потом развернулся и со всех ног бросился в противоположную сторону. Следом за ним, как гончие на потраве, кинулись два здоровенных амбала – метра под два ростом и столько же в плечах. Они в два прыжка настигли его, одним ударом в висок повалили наземь, и под дождем, прямо в грязных лужах, посреди необжитого двора окраин Тарасова завязалась нешуточная драка. Во все стороны летели брызги и ошметки грязи, а сквозь них, как в мясорубке, мельтешили ноги, руки и полы пальто Антона Кронштадтского. Надо отдать ему должное: несмотря на существенную разницу в весе, он достаточно долго держал оборону. Но весовое и количественное преимущество его противников было слишком очевидно. Очередным ударом под дых один из верзил отправил Кронштадтского в нокаут. Обмякшее тело братки подхватили под руки и потащили в глубь дворов. Оставаться бесстрастным наблюдателем я больше не могла. Выхватив из бардачка свой верный «макаров», я выскочила из машины прямо под проливной дождь, уже на бегу проверила обойму и взвела курок. Я была готова поверить в то, что такой тип, как Кронштадтский, заслужил тумачков, но нападать вдвоем на одного – это уже чересчур!

Пока я пересекала проезжую часть и неслась по склизкой грязи придворовой территории, бандюги успели затащить Кронштадтского в один из подъездов заброшенного двухэтажного домишки. Часть окон в этом доме была выбита, дверь болталась на одной петле. Домчавшись до кособокой постройки, я перевела дух и заглянула в темный грязный подъезд. Изнутри пахло сыростью, смрадом и застоявшимся воздухом. Захотелось сразу же отпрянуть, но я тряхнула головой и прислушалась к тому, что происходит внутри.

Судя по звукам, бугаи втаскивали Антона на второй этаж. Потом как будто кто-то уронил мешок с картошкой – это на бетонный пол лестничной клетки шмякнулось тело Кронштадтского. Раздался окрик:

– Эй! Давай приходи в себя!

Следом послышались глухие удары. Оригинальный способ приводить человека в чувство, ничего не скажешь!

– Эй ты, слышь! – снова крикнул тот же голос. – Есть к тебе парочка вопросов! Давай-давай, открывай глаза!

– Витька, может, мы его прибили? – прохрипел второй голос.

– Не мели ерунды, Славка! Такие, как он, живучие. Вставай, тебе говорят! – и опять жесткие удары ботинок о мягкое человеческое тело.

Ждать больше нельзя! Осторожно ступая мягкими подошвами туфель по строительному мусору, я шагнула вперед.

– Живо отвечай, куда ты ее спрятал? – орал во всю глотку тот амбал, что звался Витькой.

Я запрокинула голову, чтобы в полумраке разглядеть происходящее. Сквозь покореженные прутья перил был виден небольшой кусочек лестничной клетки: у стены скрючился мужчина в грязном драповом пальто, а над ним навис бритоголовый амбал. Второго братка видно не было – скорее всего, он стоял чуть в стороне.

– Она у тебя с собой? – прорычал Витька.

– Нет... – отозвался Кронштадтский разбитыми губами.

– Врешь! – рыкнул бандит, и мой новый знакомый получил еще один удар под ребра тяжелым ботинком на высокой рифленой подошве. Он согнулся пополам и зашелся в хриплом кашле.

– Куда ты ее дел? – продолжал допрашивать амбал. – Отвечай! Куда спрятал?!

– У меня ничего нет.

– А если подумать? – угрожающе поинтересовался Витька.

– А если подумать, то вдвоем нападать на одного – это как-то нечестно! – громко сказала я и, перемахнув через перила, оказалась на лестничной клетке лицом к лицу с двумя бугаями.

– Ты кто еще такая? – оторопели мужики.

– А вот это уже неважно, – ласково сообщила я, крутанулась на месте и одним ударом отбросила Витьку в противоположный угол.

Он шмякнулся об стену, сверху на него посыпались куски штукатурки и меловая пыль. Второй амбал вытаращился на своего приятеля, пытаясь сообразить, что происходит. Пока он вертел головой туда-сюда, я успела заехать ему в челюсть. В этот момент Витька очухался и с диким ревом ринулся на меня. Пару раз ему удалось отбросить меня к стене и засадить мне кулаком под ребра, но и я не оставалась в долгу, поочередно швыряя своих противников на пол. Всякий раз они, как бешеные псы, вскакивали на ноги, встряхивались и со злым рыком кидались на меня. В какой-то момент мне даже показалось, что было опрометчиво затевать драку с двумя здоровенными и отменно подготовленными мужиками, но, в очередной раз уворачиваясь от каменного кулака Витьки, который должен был без малого снести мне голову, я изловчилась и подставила ему подножку. Отчаянно размахивая руками, он начал заваливаться назад, а я крутанулась на месте и ударила его ногой в грудь. Мужика качнуло в сторону, и вместо того, чтобы кубарем скатиться по ступенькам, он всей тушей опрокинулся через подоконник прямо на оконное стекло. Послышался характерный треск, и стекло лопнуло: на грязный пол подъезда посыпались осколки, крупные обломки полетели вниз, а вслед за ними прямо со второго этажа, молотя руками по воздуху и матерясь, вывалился Витька. Через пару секунд его вопли оборвались – и наступила могильная тишина.

На лестничной клетке полуразрушенного дома нас осталось трое. Кронштадтский тихонечко сидел на полу среди ошметков обвалившейся побелки, а я и второй бугай, слегка ошарашенные случившимся, стояли друг напротив друга, не зная, что делать дальше. Я опомнилась первая, выхватила из-за пояса джинсов пистолет и, наставив его точно на мужика, проговорила:

– Советую тебе проваливать! А то, не ровен час, постигнет та же участь, что и твоего дружка. – И добавила, для убедительности взводя курок: – Или еще что похуже...

Бугай вытаращил на меня круглые, налитые кровью глаза, потом вытер рукавом куртки кровь с разбитых губ и сплюнул себе под ноги.

– Я тебя еще найду, – хмуро сказал он в сторону Антона.

– Подбирай своего дружка и проваливай, пока сам цел, – огрызнулась я.

Еще какое-то время мой противник, тяжело дыша, сверлил меня глазами. Чувствовалось, что будь его воля – он придушил бы меня прямо сейчас. Но боевой «макаров» в моих руках и не таких вояк утихомиривал! Безоружный бугай попятился, быстренько развернулся, прыгнул через перила на первый этаж и исчез. Через секунду он был уже на улице. Сквозь раму, ощеренную осколками, я увидела, как он подбежал к своему приятелю, который к этому времени успел подняться и теперь сидел на земле среди битого стекла и отчаянно тряс башкой. Мужики о чем-то коротко переговорили, а потом дружно порысили прочь со двора. Когда они скрылись за углом соседнего дома, я отвернулась от окна и, давя туфлями крошево из битого стекла и строительного мусора, подошла к Кронштадтскому, присела рядом на корточки и протянула ему свой носовой платок. Он молча взял его, вытер разбитые губы и спросил:

– А драться тебя где учили? Там же, где и в покер играть?

Молодец мужик, чувства юмора не теряет, несмотря ни на что!

– Считай, что да, – усмехнулась я.

Кронштадтский еще раз потряс головой, приходя в себя. Я сочувственно спросила:

– Сильно они тебя?

– Ерунда, – отмахнулся он, ошупывая челюсть. – И не в такие переделки попадал.

– Однако эти ребята были настроены серьезно, – осторожно заметила я. – Чем ты им так не угодил?

– А-а-а... – махнул рукой мой собеседник. Опираясь о стену, он поднялся на ноги, пошатался пару секунд и, только найдя равновесие, добавил: – Обыграл одного типа, вот он и прислал ко мне своих здоровяков. Хотел свой проигрыш забрать.

Кронштадтский врал, но это было не мое дело. Не хочет говорить правду – не надо!

– Что-то мне подсказывает, что они еще вернутся, – выразила я свое опасение.

– Да неважно, – отмахнулся он.

– Как знаешь, – развела я руками. – Тебе точно не нужна моя помощь?

– Нет, – помотал головой пострадавший.

– И врача вызывать не надо?

– Нет.

– Видок у тебя, честно говоря, не очень, – не отставала я, все еще надеясь, что наше знакомство на этом не закончится.

Но мои надежды оказались тщетны. Кронштадтский сделал неуверенный шаг в сторону, схватился за разбитые ребра, поморщился, потом встряхнулся, как только что выкупанная собака, и, слегка подволакивая одну ногу, стал спускаться по шербоной лестнице. Никакой благодарности ко мне за свое спасение он явно не испытывал. Хотя как минимум элементарное «спасибо» в мой адрес уж точно было бы не лишним. На пару секунд я зависла на месте в недоумении, а потом спрятала пистолет за пояс и выбежала из заброшенного дома.

– Эй! – окликнула я Кронштадтского, который хромал прочь, на ходу отряхивая полы замызганного в грязи и пыли пальто.

На секунду он остановился и чуть повернул голову в мою сторону.

– У тебя точно все в порядке?

Он, как искалеченный Терминатор в финале второй части фильма, поднял большой палец – мол, все «ок» – и, прихрамывая, зашагал дальше.

И это все? Для того ли я как оглашенная гонялась за ним несколько недель, вынюхивала, как ищейка, шла по его следу и ночи напролет караулила его в игорном клубе, среди спивающихся картежников и вечных искателей драйва? И вот теперь, когда я наконец-то познакомилась с ним, обыграла его в карты, путем подкупа и сговора с местной шпаной исхитрилась заполучить его в свою машину, чтобы свести более близкое знакомство, и даже спасла его от лихих налетчиков, которые наверняка свернули бы ему шею и бросили его уми-

рать на задворках Тарасова... Да, именно теперь, после всех этих мытарств и тщетных стараний завести знакомство с человеком по имени Антон Кронштадтский, мне вдруг больше всего на свете захотелось послать все к черту! И когда худошавый, подволакивающий одну ногу мужчина окончательно растворился на фоне унылого предрассветного городского пейзажа – низенькие домишки, голые деревья, осыпанный листвой тротуар, – я громко произнесла, как будто он еще мог меня услышать: «Ну и пошел ты!..» После чего развернулась на каблуках и гордой и независимой походкой зашагала к своему покинутому «фольку». Запрыгнув в салон, я завела мотор и погромче включила магнитола. Всю дорогу до дома я тихонечко подвывала хрипловатым нотам итальянского напева, курила сигарету одну за другой, а в голове не было ни одной мысли. Я слишком устала за последние сутки.

Ночной образ жизни едва ли пошел мне на пользу: давно заведенный и, как мне казалось, неизменный распорядок дня откровенно полетел к чертям. Прежде утро начиналось для меня ровно в семь часов и по будильнику: сначала зарядка дома, потом пробежка через парк до соседнего квартала и обратно. Ледяной душ после этого обычно помогал взбодриться, а две чашки крепкого черного кофе окончательно включали меня в рабочий ритм. Дальше все шло по накатанной: если была работа, то я приступала к своим обязанностям, если нет – предпочитала уединиться в какой-нибудь уличной кафешке или отправиться в тир. Я придерживалась этого образа жизни, отлаженного до мелочей и выверенного вплоть до секунды, годами. И вот теперь охота на «высокого брюнета с серыми глазами, худошавого телосложения, лет тридцати пяти» совершенно выбила меня из колеи. Подняться ровно в семь утра, когда буквально час назад ты только-только добралась до дома и сладко заснула, категорически невозможно. И если в первый день я еще как-то справилась с этой задачей, то на второй день лишь сделала слабую попытку выбраться из-под одеяла, а потом и вовсе махнула рукой на привычный режим и с чистой совестью дрыхла до обеда.

Вот и теперь я разлепила глаза, когда стрелка часов приблизилась к полуденной отметке. Спать дольше – значило обрекать себя на страшную мигрень на весь оставшийся день. Пришлось, преодолевая лень и страшную зевоту, выбираться из пледов и тащиться в ванную. После получасовых процедур с контрастным душем и растиранием солью я наконец-то почувствовала себя человеком, натянула светлую водолазку, влезла в узкие джинсы и, тщательно зачесав волосы в хвост, вышла на кухню.

У плиты уже вовсю суежилась тетя Мила – моя дорогая и единственная родственница, с которой мы уже несколько лет подряд мирно сосуществуем на общих квадратных метрах в старенькой многоэтажке.

– Доброе утро, – поприветствовала я ее, заходя на кухню и включая чайник.

– Для кого утро, а для кого уже обед, – многозначительно отозвалась тетушка, не оборачиваясь от плиты, где на сковородке шипели и подпрыгивали ароматные оладушки. – Ты опять вчера за полночь пришла?

– Тетя, ты же все прекрасно знаешь, – миролюбиво произнесла я и чмокнула ее в щеку.

– Ох, Женя-Женя, и когда же ты бросишь свою работу? – вздохнула тетя Мила. – Ничего хорошего от нее нет. И когда ты это поймешь? Только носишься сутки напролет по городу – ни сна, ни покоя. Да еще и опасно это все: не ровен час, нарвешься на кого-нибудь.

В ходе воспитательной беседы тетушка, однако, ни на секунду не отвлекалась от плиты: умело орудуя лопаткой, она собрала на тарелку очередную порцию золотисто-желтых кружков и шлепнула на сковородку новую порцию теста. Я тут же схватила с тарелки один оладушек и с наслаждением начала его жевать.

– Тетя, перестань, – вяло возразила я.

Но тетя Мила, распаленная жаром кухонной плиты, продолжала горячиться:

– Женечка, ну ведь не женская, совсем не женская у тебя работа!

- Ну и что? – слабо отбивалась я, самозабвенно жуя второй кругляш жареного теста.
- А то! Смотри, так и останешься в девках! – сердито подвела итог теть Мила.

Я подавилась оладушком. Ну вот, опять начинается! Отчитывать меня за мой образ жизни и упорное нежелание обзаводиться семьей – это для тетушки своего рода спорт, придающий остроту нашим отношениям, источник драйва в болоте нашего безмятежного сосуществования. Примерно раз в месяц тетя Мила вспоминает о моей неустроенной личной жизни и начинает шпынять меня за это во все бока и попрекать на чем свет стоит. Заядлая домоседка и непревзойденный кулинар, она почему-то непоколебимо уверена, что лучшего будущего для меня, чем замужество, быть просто не может. Я потратила немало сил и времени на то, чтобы объяснить: все, что связано с домашним очагом и совместным проживанием с представителем противоположного пола дольше пары недель, вызывает у меня озноб и почесуху, а перспектива часами торчать у плиты и плюхаться в тазиках с грязным бельем и вовсе вгоняет в ступор. Нет уж, чур меня, чур! Но пока что донести до тетушки свой ужас и отвращение к семейной жизни я так и не смогла. Поначалу я каждый раз долго и обстоятельно растолковывала свою позицию в надежде, что меня поймут. Потом какое-то время просто злилась, и как только тетя садилась на своего любимого конька, я с воплем: «Довольно с меня!» начинала стучать кулаком по столу и отстаивать свое право жить так, как мне хочется. Но в конце концов я научилась смотреть на этот вопрос с позиции холодного философа. И как только в нашем доме звучит фраза: «Женечка, а не пора ли тебе и о замужестве подумать?», я потихонечку исчезаю за дверью и от греха подальше запираюсь в своей комнате – авось там и пережду бурю.

– Между прочим, время идет, а ты не молодеешь. А ведь сколько вокруг тебя кавалеров было! – самозабвенно продолжала между тем тетя Мила. – Вот хоть, например, Костик Ольшанский...

– Он опер, ему ничего, кроме своей работы, не интересно, – походя заметила я, наливая себе в кружечку кипяточек и заваривая арабику.

– Павлик Никитин, – не замечая моей реплики, продолжала загибать пальцы тетя.

– От него уже третья жена сбегает, – напомнила я.

– А ты не смотри на других, ты о своем счастье подумай! – не унималась она.

Я отключила слух и, быстро орудуя ложкой, стала насыпать в кружку сахар. По кухне поплыл пряный аромат свежесваренной арабики.

– Семейная жизнь тебе только на пользу пошла бы, – увещевала тетя Мила, мысли которой о моем счастливом будущем неудержимо неслись дальше. – Может, и мне бы чем по дому помогла. Я вот уже который день собираюсь на рынок за индейкой – да то дождь на улице, то спину прихватит. Как мне сумку тяжелую с базара тащить?

– Сегодня же съезжу на базар, – пообещала я, схватила кружку горячего кофе и еще один оладушек и поспешила убратсья из кухни. Понаслаждаюсь чашечкой кофе за закрытой дверью, а потом и в самом деле не мешало бы съездить по магазинам.

Дальше день потек сам собой: я закупила продукты на рынке, решила пару давних вопросов со штрафами на авто и наконец-то сдала свой старенький «фольк» в шиномонтаж. А пока моему четырехколесному другу меняли обувь, успела перекусить в уютной кофейне на Московской. Остаток дня я провела в тире, самозабвенно паля по мишеням, и домой вернулась только ближе к девяти вечера. Едва открыв дверь квартиры, я тут же потянула носом и растеклась в улыбке: тетя Мила не подвела, приготовила индейку по своему фирменному рецепту, и сейчас по дому плыл умопомрачительный аромат жареного мяса.

– Ты как раз вовремя, – выглянула из кухни тетушка, – индейка готова. Садись за стол.

Через час, когда тетя Мила, разомлевшая от вкусного ужина и задушевной беседы со мной, прикорнула в мягком кресле у окна, накинув на ноги клетчатый плед, я потихоньку вымыла посуду, убрала остатки ужина в холодильник и осторожно выскользнула в коридор.

– Опять по делам? – тут же встрепенулась тетя Мила.

– Нет-нет, сегодня останусь дома, – заверила я тетю. – Спокойной ночи.

Эту ночь я и в самом деле планировала провести дома. После того, что случилось утром, Кронштадтский едва ли появится в «Темной стороне» – наверняка будет зализывать свои раны. А значит, и мне там ловить нечего. Юркнув в свою комнату, я тихонечко притворила за собой дверь, не включая света, скинула одежду и забралась под одеяло. Несколько дней подряд, прожитые шиворот-навыворот, по ночному графику и в постоянном напряжении, дали о себе знать: на меня разом навалилась дикая усталость, и я мгновенно заснула.

...Проснулась я внезапно, как от толчка, и не сразу поняла почему. Просто открыла глаза и, не шевелясь, усталилась в темноту перед собой. Электронный циферблат часов на прикроватном столике показывал 3:00 – глубокая ночь. Свет уличных фонарей, просачиваясь через мудреный рисунок тюлевых занавесок, рисовал причудливые узоры на потолке. Вдруг занавески дернулись раз, другой – и в комнату пахнуло сыростью и холодом с балкона. Стоп! Разве я оставила его открытым на ночь? Да, я люблю, когда ночью в комнате свежо, но для этого достаточно просто открытой форточки. Кто же открыл балкон? По спине пробежали липкие мурашки: я поняла, что в комнате я не одна и кто-то смотрит на меня из темноты в упор. Видимо, от этого взгляда я и проснулась!

Не отрывая головы от подушки, я потянулась к прикроватному столику, где, прикрытый томиком Хокинса, лежал мой верный «макаров».

– Не советую этого делать, – отчетливо произнес голос из темноты.

Неизвестный дернул за шнурок торшера, и в дальнем углу комнаты вспыхнуло блекло-желтое пятно электрического света. На секунду я зажмурилась, а потом снова открыла глаза и нервно сглотнула: там, у торшера, в кресле сидел мужчина. Я сразу узнала Антона Кронштадтского. Он сидел небрежно, чуть развалившись и вольготно закинув ногу на ногу, как если бы находился у себя в комнате или заглянул ко мне в гости на чашечку кофе. Но едва ли он пришел сюда для этого: в его руке я увидела пистолет, дуло которого целилось мне точно в лоб.

– Что ты здесь делаешь? – прижимая одеяло к груди, выдохнула я.

– Вчера ты мастерски обставила меня в карты на кругленькую сумму. Потом оказалось, что ты еще неплохо разбираешься в машинах. А потом выяснилось, что ты феерично умеешь решать любые проблемы с помощью силы. Двоих здоровенных мужиков ты раскидала по разным углам, как борзая кроликов. И мне стало интересно, чего еще от тебя можно ждать?

Кронштадтский вопросительно вскинул брови и насмешливо уставился на меня. Он явно издевался.

– Учти, я живу в квартире не одна, – прошипела я.

– Ну да, ну да! О твоей милейшей родственнице я уже знаю. Видел, как ты по ее поручению таскалась полдня по магазинам.

– Ты за мной следил? Зачем?

– Мне показалось, что ты очень хотела со мной встретиться.

Пятикалиберный боевой «ГТ» по-прежнему смотрел на меня в упор, и я невольно поежилась.

– С чего ты это взял?

– Бармен из «Темной стороны» рассказал, что ты очень интересовалась мной в первый же день своего появления там. Обещала кучу денег любому, кто даст хоть какую-то информацию обо мне. А Пашка-малой испортил мне машину по твоему наущению. И вот это, кстати говоря, совсем уж нехорошо – ремонт «Мазды» влетел мне в копеечку! – спокойно поведал Кронштадтский.

Значит, и бармен, и мальчишка на побегушках сдали меня с потрохами! Вот продажные шкуры! А ведь я им заплатила немало. Впрочем, этого следовало ожидать. Но сам Кронштадтский – каков хитрец! Он ведь еще тогда, у стойки бармена, много чего обо мне узнал. И при этом сам первым подошел и предложил сыграть в карты. Упреждающий шаг? Да, похоже на то. Тем более что в игре как нигде можно получить самое полное представление о человеке, о его стратегии, тактике и реакциях. Вероятно, он и о тузах в рукаве догадался сразу, но предпочел помолчать. А потом сел в мою машину и позволил подвезти себя. Что там у него на уме – черт его знает!

– Как ты меня нашел?

Кажется, я задала самый нелепый вопрос из всех возможных.

– Проще простого! Запомнил номер твоей машины, – пожал плечами Кронштадтский и добавил: – Давай рассказывай, кто ты такая и зачем меня искала? – он повелительно ткнул пистолетом в мою сторону.

Нет, так совершенно невозможно разговаривать!

– Хорошо, расскажу. Только пушку спрячь.

– Сначала рассказывай! А дальше я уже сам буду решать, что мне делать.

Торговаться с человеком, который держит тебя на мушке, – по меньшей мере неблагоприятно. И мне ничего не оставалось, как начать:

– Меня зовут Евгения Охотникова. Девяностого года рождения. Окончила Ворошиловское училище. Бывала во многих горячих точках, принимала участие в спецоперациях. Террористов приходилось обезвреживать. Потом бросила это дело и сейчас работаю частным телохранителем.

Я замолчала. Кронштадтский тоже молчал. Свет торшера не падал на его лицо, но я точно знала, что сейчас он испытующе смотрит на меня. И если ему что-то не понравится, он в любую секунду может спустить курок.

– Допустим, я тебе поверил, – наконец произнес он. – Но какой шулер учил тебя играть? Незаметно подкинуть четыре туза из рукава при нулевом раскладе на руках может только профессионал.

– Так ты знал, что я тебя обманываю?

Кронштадтский только хмыкнул.

– Но почему тогда ты ничего не сделал?

– Например?

Он склонил голову набок и вопросительно на меня уставился, а его губы кривились в усмешке.

– Тебе же ничего не стоило меня разоблачить!

– А зачем? – пожал он плечами. – Ты неплохо играла. Я так понимаю, что никто из раззав, которые собираются в «Темной стороне», ни разу ничего не заподозрил – иначе тебя немедленно вышвырнули бы за дверь и больше туда не пустили. Все принимают тебя за потрясающе везучую особу, которая свалилась невесть откуда. Зачем же мне было портить такую прекрасную репутацию?

В его тоне явственно звучала издевка.

– Так кто тебя научил играть в покер? – повторил он свой вопрос.

– После Ворошиловки я несколько лет прожила в Азии и там сдружилась с одним цыганским бароном. Он и научил.

Кронштадтский вновь бросил на меня испытующий взгляд. Не поверил, конечно. Но и курок спускать вроде не торопился.

– А зачем тебе понадобился я?

Я сглотнула комочек в горле, набрала в грудь побольше воздуха и начала:

– Все очень просто. Мне до чертиков надоела работа телохранителя. Платят за нее, конечно, немало, но не до жиру... Живу вместе с теткой сам видишь как, машина – старенький «фольк». И при всем при этом каждый день приходится рисковать собственной шкурой. Баста! Хочу жить нормально, хочу много денег, и уж если рисковать – то чтобы было ради чего, чтоб самой жить, а не прикрывать чужую спину за жалкие бумажки. – Я перевела дух. Кронштадтский выжидающе смотрел на меня. – И тогда я вспомнила все, чему меня учил тот цыган, и...

Слова больше не шли у меня с губ.

– И решила зарабатывать на жизнь, дуря головы тарасовским картежникам? – удивленно поднял брови Кронштадтский. – А я-то здесь при чем?

– Мне нужен не ты.

Я не в силах была отвести взгляд от темного дула пистолета, которое в любую секунду могло извергнуть свинцовую пулю. Сейчас был самый подходящий для этого момент.

– Я хочу, чтобы ты познакомил меня с Прохором Федосеевым, – наконец произнесла я, четко выговаривая каждое слово.

Кронштадтский не шевельнулся. Он не выстрелил и ничего не ответил. Он даже не спросил, откуда мне известно имя самого таинственного картежника и афериста города Тарасова. Он по-прежнему неподвижно сидел в кресле, крепко сжимая в правой руке боевой пистолет. Но мне нужно, непременно нужно было получить утвердительный ответ! И я, вновь сделав глубокий вдох, продолжала:

– Я точно знаю, что Прохор – феноменальный мошенник и потрясающий игрок в карты. Знаю, что он несколько лет колесил по всей стране и разорял толстосумов, а сейчас отошел от дел. А еще знаю, что он сколотил вокруг себя команду из нескольких матерых игроков, и теперь они работают на него: Федосеев подкидывает им клиентов, а они потом отдают ему часть выигранных денег. И, если я не ошибаюсь, ты один из тех людей, которые работают на Прохора. Выведи меня на этого человека. Я тоже хочу быть в его команде. Я хочу работать на Прохора Федосеева.

Я замолчала, и в комнате надолго повисла гробовая тишина – было только слышно, как ветки деревьев скребут в окно. Если закрыть глаза, то можно было подумать, что в спальне вообще никого нет.

– Значит, ты хочешь познакомиться с Прохором Федосеевым, – повторил он.

– Да, – осипшим голосом подтвердила я.

– А ты отдаешь себе отчет, что будет значить для тебя это знакомство?

– Да.

– И ты понимаешь, что обратной дороги не будет?

– Понимаю, – кивнула я.

Кронштадтский снова надолго замолчал, сосредоточенно размышляя.

– Так значит, ты упорно выслеживала меня несколько дней, не побоялась сыграть со мной в покер и даже пыталась дурить меня только ради того, чтобы попасть в команду Прохора?.. Что ж, ты можешь ему понравиться! Только для начала нужно будет пройти небольшую проверку. Давай сделаем так. Если ты не передумаешь, то встречаемся завтра в восемь утра в кафе «Маркони». Я буду ждать тебя у окна за самым дальним столиком. Если не появишься до половины девятого, то я буду считать, что дело сорвано. И тогда больше уже не пытайся искать меня. И на встречу с Прохором Федосеевым не рассчитывай.

Я не успела ничего ответить, как Кронштадтский снова дернул за шнур торшера – и комната погрузилась в кромешную тьму. Я не услышала даже его шагов и только по легкому сквозняку да по колыханию штор поняла, что мой ночной визитер, не прощаясь, покидает комнату.

– Эй, погоди! А что за...

Я хотела спросить, что за проверка меня ждет, но остановилась на полуслове. Спрашивать было уже не у кого: Кронштадтский успел выскользнуть на балкон и раствориться в ночной темноте. Я осталась в комнате одна – сидя на кровати среди мятых простыней и тупо глядя на раздувающиеся от сквозняка занавески. Прошло немало времени, прежде чем способность мыслить и что-то делать вернулась ко мне. Я решительно откинула в сторону одеяло, прихватила со стола пепельницу, забралась на подоконник и закурила, с наслаждением выдыхая дым в приоткрытую форточку. Только после третьей затяжки, почувствовав, как внутреннее напряжение постепенно отпускает, я набрала на мобильном заученный наизусть номер и поднесла трубку к уху.

– Старший следователь Саврасов, – ответили мне.

– Это Женя. Ловушка захлопнулась. Птичка в клетке, – вкрадчиво произнесла я в трубку.

Глава 2

С Саврасовым я была знакома с незапамятных времен. Тогда я еще только-только заканчивала школу – а может быть, уже поступила на первый курс Ворошиловского училища. В общем, было это так давно, что ни я, ни Саврасов уже не можем восстановить точную хронологию событий. А Саврасов не был тогда еще никаким старшим следователем, а работал обычным стажером после школы милиции. Он был щуплым, патлатым и жутко стеснительным. В нашем доме он впервые оказался по долгу службы: боевые наставники из убойного отдела прислали его с архивной папочкой, которую полагалось передать лично в руки моему отцу – полковнику в отставке. У отца был настолько высокий авторитет среди коллег, что даже после его ухода на пенсию доблестные служители порядка нет-нет да и прибегали к его помощи. Стасик Саврасов до обморока робел перед суровым полковником Охотниковым. В тот первый визит к нам в дом он, жутко конфузясь и сипя, вручил отцу беленькую папочку, перетянутую тесемкой, а на мое предложение войти и выпить чашечку кофе покраснел до самых ушей и, пробубнив нечленораздельное «Не положено, простите!», выпал за дверь. Во второй визит к нам с очередными бумагами для отца он хоть и краснел беспричинно, но на кофе остался и даже решился завести разговор о том деле, которое помогал распутать мой отец. А потом Стасика как-то неожиданно зачислили в штат милиции, и он и вовсе зачастил к нам – то за советом, то помочь оформить очередной протокол, а то и вовсе просто так. Все вокруг видели в этих частых визитах Саврасова в наш дом некий особый подтекст и, многозначительно хмыкая, косились в мою сторону.

А я между тем окончила Ворошиловское училище, помоталась по всему миру, побывала в нескольких горячих точках со спецзаданием. Повидав многое за несколько лет, я раз и навсегда отказалась от затеи искоренить все зло на земле и в конце концов осела в Тарасове в двухкомнатной квартире, где жила моя тетя Мила. А Стасик за это время успел дослужиться до старшего следователя и со дня на день ждал нового повышения по службе. Но все эти годы, вопреки всяческим домыслам, меня с Саврасовым ничего, кроме теплой дружбы, не связывало. Правда, после того как я стала работать телохранителем, к товарищеским чувствам прибавился еще и чисто профессиональный интерес: Стасик периодически снабжал меня информацией, важной для моей работы, иногда пробивал по своей базе людей, которые обращались ко мне за помощью (охранять бандитов и криминальных авторитетов я не собиралась ни при каком раскладе!), а порой и сам подкидывал мне работенку. Поэтому когда я услышала по телефону: «Жека, для тебя есть работа», то среагировала мгновенно: «Сейчас буду у тебя».

Однако в этот раз Саврасов не пожелал встречаться со мной в своем кабинете на Челюскинцев, как делал обычно. Мне пришлось катить до самой привокзальной площади и отыскивать крошечное кафе под названием «Восток-Запад», где за одним из дальних столиков меня уже поджидал мой приятель. Он дожевывал жирный кусок отбивной, глотал кофе из пластикового стаканчика, а в пепельнице рядом с ним тлела уже третья сигарета.

– К чему такая конспирация? – спросила я, усаживаясь напротив него и подпирая подбородок ладонями.

– У-у-у, – замычал приятель в знак приветствия, тут же отодвигая от себя тарелку с мясом. – Пришел раньше времени и решил перекусить. Дома совершенно пустой холодильник: времени нет даже на то, чтобы по магазинам прошвырнуться.

– Как сказала бы моя дорогая тетушка, тебе давно пора завести семью, – заметила я.

– Поздно! Кому нужен стареющий полицейский, которой целыми сутками пропадает на работе?

– Так, значит, ты назначил мне встречу в кафе исключительно потому, что дома у тебя шаром покати?

Стас тщательно вытер жирные пальцы о салфетку, схватил со стола нераспечатанную пачку «Мальборо» и сдернул с нее фольгу.

– Нет, Женя, не только поэтому. Просто дело важное, – сказал он, зажимая губами сигарету и наклоняясь над зажигалкой. – И о нем никто не должен знать, – он сделал затяжку, поднял голову и, пристально глядя на меня, добавил: – В том числе и в моем отделе.

По тому, как прямо смотрел на меня Стас, по его сурово поджатым губам и сухому тону я сразу поняла, что разговор будет долгим. Поэтому я стянула с плеч кожаную куртку, попросила у официанта чашку двойного эспresso и коротко велела:

– Излагай.

Собственно говоря, все оказалось просто.

– Месяц назад мы поймали одного афериста, Ника Ветлицкого, – быстро вводил меня в курс дела Стас. – Мужик долгое время занимался тем, что собирал информацию о командированных. Разумеется, его интересовали только обеспеченные люди. И надо отдать ему должное, делал он свое дело профессионально, о приезде узнавал буквально все: когда и каким рейсом прибывает, откуда, где останавливается, сколько наличных у него будет при себе. Вынюхивал каким-то образом даже то, сколько денег у человека на банковском счету. Все эти данные Ник кропотливо собирал и... продавал шайке картежников.

– Да ну? – покачала я головой. – И как же вы отловили такую рыбку?

– Случайно! Один товарищ заметил, что за его счетом следят, и обратился в полицию. Мы начали разматывать клубок – и вышли на Ника Ветлицкого. Но нужно понимать, что Ник – это всего лишь пешка. Поначалу он пел песню, что вышел из шайки и больше на картежников не работает. Но в нынешней ситуации это уже не имеет особого значения. – Саврасов перевел дыхание и продолжал: – Нам сейчас намного интереснее сама эта компания – а вернее, их главарь Прохор Федосеев.

Я непонимающе моргнула, и Стасу пришлось пояснить:

– В мире тарасовских картежников это фигура номер один. Причем он – давняя головная боль не только нашего отдела полиции, но и федеральных спецслужб. Долгое время он колесил по всей стране и бывшим союзным республикам, отыскивал богатеньких простаков, садился с ними сыграть партейку-другую в покер – и в итоге те лишались и денег, и имущества. Впрочем, он и в Европу частенько заглядывал. В архивах до сих пор хранятся сведения об аферах, которые он проворачивал в Париже, Лондоне и Берлине. Самое интересное, что долгое время было даже непонятно, кого, собственно, ловить: то ли высокого блондина атлетического телосложения, то ли тучного дядечку предпенсионного возраста. А может, под личиной Прохора Федосеева и вовсе скрывалась женщина. Никто толком не знал, что это за фигура, – скорее всего, на него работали разные подставные лица. Но в какой-то момент Прохор утихомирился. Исчез. Испарился. Несколько лет о нем не было ни слуху ни духу, и все уже начали потихоньку забывать эту загадочную личность. Но год назад...

Стас сделал паузу, раскурил очередную сигарету и продолжил:

– Год назад начали всплывать разрозненные факты. Картина вырисовывалась такая, что тарасовские спецслужбы схватились за голову: в Тарасове и близлежащих городах орудовала целая банда картежников. Они буквально выпотрошили карманы сразу нескольких местных предпринимателей. Но основной их добычей были богатенькие приезжие и командированные. Действовало человек пять (может, даже меньше), и работа была поставлена на широкую ногу. Существовала целая группа информаторов, которые вычисляли потенциальных клиентов, и была команда профессиональных игроков. Ник был одним из информаторов. Когда мы его поймали и упрятали за решетку, он долго не шел на контакт, отпирался, говорил, что ушел из команды Прохора. Потом сменил пластинку и стал рассказывать, что

Прохор его непременно вытащит из беды, потому что своих никогда не бросает и к тому же у него имеются рычаги давления на полицейских.

Тут Стас снова сделал паузу, поиграл желваками, затянулся пару раз и заговорил дальше:

– Видимо, Ник преувеличивал свою важность в кругу приближенных Федосеева. Могущественный босс как-то не спешил выручать из неволи своего информатора. И в конце концов Ник понял, что молчать смысла нет. Пару недель он провел в одиночке и после этого пошел на контакт. Его пообещали отпустить, и тогда Ник продал своего босса со всеми потрохами: во всех подробностях рассказал, как действует шайка, как искали клиентов, как знакомились с ними, как происходила передача денег за каждого отработанного клиента.

Я пожала плечами:

– Ну тогда вам и карты в руки – ловите Прохора, сажайте в тюрьму!

– Э-э-э, нет! – покачал головой Стасик. – Вот тут-то и кроется главная загвоздка. Информаторы с Прохором никогда не виделись. Данные на клиента Ник передавал человеку по имени Антон Кронштадтский, и от него же он получал деньги. Этот Кронштадтский, похоже, был правой рукой Федосеева. И, по слухам, он и сам иногда мог виртуозно обставить в покер какого-нибудь зазевавшегося игрока.

– Так арестуйте этого Кронштадтского, – беспечно посоветовала я, все еще не понимая, чего Саврасов хочет от меня. – Тряхните его – и мужик наверняка расскажет всю правду.

– Повода для ареста и допроса нет, – осадил меня Стас. – Да и не факт, что Кронштадтский окажется словоохотливым. Если мы арестуем его, это может только вспугнуть Федосеева.

Он замолчал и внимательно посмотрел на меня.

– И какова моя роль в этом деле? – спросила я, сделала очередную затяжку, выдохнула и помахала у себя перед лицом рукой, чтобы разогнать сизое облачко табачного дыма.

– Получается, что единственный выход на Прохора у нас через Антона Кронштадтского.

Мой приятель вновь сделал многозначительную паузу и выразительно на меня посмотрел. Но я по-прежнему ничего не понимала, и ему пришлось объяснить:

– Если бы мы смогли выйти на этого человека, втереться к нему в доверие и заручиться поддержкой, да так, чтобы в итоге он выхлопотал для нас аудиенцию с хитрым Прошкой...

– Да как же это возможно? – развела я руками. – Думаешь, Кронштадтский такой дурак, что собственноручно приведет крысу прямехонько в апартаменты к своему боссу?

– Думаю, да. Нужно всего лишь сделать так, чтобы он был в этом заинтересован, – вкрадчиво произнес Саврасов.

– Ты собрался подкупить кого-то из его окружения? – удивленно вскинула я брови.

Стасик подался ко мне через стол, я машинально тоже к нему приблизилась, и тогда он заговорщически произнес:

– Собрался с ним подружиться.

Я отпрянула и беззлобно хохотнула:

– Думаешь, он не словит мышей и так вот запросто заведет знакомство с ментами?

– Думаю, нет, – покачал головой Стас.

Мне стало вдвойне интересно, я склонила голову набок и приготовилась слушать дальше. А Саврасов развивал свою мысль:

– Понимаешь, нужно сделать так, чтобы Кронштадтский сам захотел познакомиться с нашим человеком и по доброй воле обеспечил ему встречу с Прохором.

– Да ладно! – усмехнулась я.

– Для этого нужно только одно-единственное условие.

– Какое?

– Ну посуди сама. Кто входит в число приближенных Прохора Федосеева? Карточные игроки, матерые шулеры и аферисты. Так вот, я и подумал... Что, если на пути Антона Кронштадтского как раз и повстречается такая незаурядная личность?

– Ну допустим... – начала я, все еще ничего не понимая.

– А если эта личность сама будет искать контактов с Федосеевым – например, в разговоре с Кронштадтским как бы невзначай обмолвится, что знает его как аса и мечтает с ним познакомиться...

Я одобрительно кивнула, и Стас воодушевленно продолжал:

– А может быть и другой вариант. Скажем, нашей темной лошадке надоела прежняя служба, серая и унылая жизнь, состоящая из походов из дома на работу и обратно. Захотелось риска, азарта, веселья... банально денег захотелось! И внезапно наш таинственный Мистер Икс натывается на информацию о Прохоре Федосееве (откуда именно – неважно) и решает использовать свои способности картежника на полную катушку: начинает шляться по игорным клубам и играть в карты, выходит на Антона Кронштадтского...

– Понятно, – прервала я монолог своего приятеля. – Это мог бы быть неплохой вариант, но есть одна загвоздка.

– Какая?

– Ты сам сказал: чтобы вызвать интерес у Кронштадтского, ваша подсадная утка должна обладать незаурядными способностями в плане игры в покер. Что-то не припомню я таких умельцев среди вашего брата.

– А я и не думал подсылать к нему кого-то из отдела, – развел руками Саврасов.

– А кого тогда? – удивилась я.

– Мне кажется, что с этой ролью неплохо могла мы справиться ты, – неожиданно выдал он.

Несколько секунд я просто молча смотрела на Стасика, пытаюсь сообразить, шутит он сейчас или говорит всерьез. Но мой приятель был хмур и суров как никогда.

– Не-е-ет! – замахала я руками и даже немного отодвинулась от стола. – Это бред! Ну какой из меня шулер? Я только в детстве в подкидного дурака играла с мальчишками во дворе! Тогда немножко мухлевала, да. Но и то они меня обыгрывали.

– Не беда! Неделька тренировок – и будешь асом!

– И кто же меня будет учить? – хмыкну-ла я.

Не то чтобы я прониклась желанием принять участие в этой афере – скорее во мне заговорило праздное любопытство.

– Ник Ветлицкий. Мужик настолько отчаялся ждать подмоги от Прохора Федосеева, что теперь сжигает все мосты и даже согласен научить нашего человека играть в карты.

– И как он будет это делать, сидя за решеткой?

– Ты легко сможешь попасть на свидание с Ником под видом адвоката. Я обеспечу все условия, чтобы вам никто не мешал: можете хоть сутки напролет оттачивать мастерство игры в покер.

– Ты с ума сошел? – искренне возмутилась я.

Но, очевидно, и сама оказалась такой же сумасшедшей...

И вот теперь, много дней спустя после того разговора со Стасом Саврасовым, ровно в 8:00 я переступила порог кафе «Маркони».

Вдоль стен здесь тянулись книжные полки, окна были занавешены тяжелыми портьерами, а тесный зал едва вмещал пять столиков. Похоже, это было местечко для своих. За самым дальним столиком расположились три дамочки бальзаковского возраста, столик у окна оккупировала парочка влюбленных, а за ближайшим ко мне столиком восседал тучный господин с газетой в руках и фетровой шляпе на голове.

– Добрый день. Заказывали у нас столик? – материализовался рядом со мной молодой человек.

Поверх льняного костюма у него был надет фартук с вышитым лейблом «Маркони», на губах – дежурная улыбка.

– У меня была назначена встреча.

– Евгения Охотникова? – ни на секунду не переставая источать улыбку, уточнил официант. – Вас ожидают в вип-зале. Прошу за мной.

Мы миновали крошечный зал, и сопровождающий, откинув тяжелый полог, жестом пригласил меня пройти в потайную дверь. Еще буквально пять шагов прямо, через коридорчик с винтажной подсветкой на стенах, и передо мной распахнули еще один занавес:

– Прошу.

Я сделала шаг вперед и оказалась в маленькой комнатке с глухими шторами на окнах. Плотная парча не пропускала ни лучика солнца с улицы, а источниками света здесь служили торшер и искусственный камин. Выбеленный электрический свет отражался в стеклянных витражах, украшающих стены, и неровно преломлялся об углы мебели – чайного столика темного дерева, пары кресел и небольшого дивана на кривых ножках. На диване, закинув ногу на ногу, сидел Антон Кронштадтский. Несмотря на ранний час, он потягивал виски и довольно шурился.

– Я заказал для тебя двойной эспresso, – вместо приветствия произнес он. – Кажется, ты пьешь двойной эспresso? Его только что принесли, он должен быть горячим. Угощайся.

Этот человек всегда все знал наперед: что я пью крепкий кофе, что я никогда не опаздываю на встречи, что я вообще приду на это randevu. Как, черт подери, ему это удастся? Я сглотнула комок поднимающейся внутри неприязни и сделала вид, что все в порядке: уронила на ближайшее ко мне кресло свой плащик, стянула с шеи шифоновый шарф и присела к столу. Антон коротко глянул в сторону официанта и обронил:

– Если что – мы позовем.

Тот услужливо кивнул и скрылся за дверью.

– В наше время крайне редко можно встретить девушку, которая отличается пунктуальностью. Думаю, что с тобой мы сработаемся, – сказал Кронштадтский, как только мы остались одни.

Я внимательнее прежнего глянула на своего собеседника. Слово «сработаемся» меня несколько напрягло, но до поры до времени я решила молчать и просто глотнула кофе, совершенно не чувствуя его вкуса.

– Ну раз ты убедился в моей пунктуальности, то мы можем идти? – спросила я. – Или Прохор придет сюда?

– Прохор? А зачем тебе Прохор?

– Как это зачем? – пожалуй, с излишней горячностью вскинулась я. Ситуация нравилась мне все меньше и меньше. – У нас был уговор: я рассказываю тебе всю правду о себе, а ты обещаешь замолвить за меня словечко перед Федосеевым и свести меня с ним.

Напоминать о каком-то уговоре в данном случае, конечно, было по меньшей мере наивно. Сейчас я находилась в полной власти этого человека – точно так же, как той ночью, когда он сидел в моей комнате, наведя на меня пистолет. Но что мне еще оставалось делать?

– Да, у нас был уговор. Ты проходишь проверку, и только в том случае, если все пройдет гладко, я, может быть, сочту нужным познакомить тебя с Федосеевым, – изложил Кронштадтский свое видение ситуации.

Я скрипнула зубами и машинально потянулась за сигаретами. Вот гад! Посмотрим, как ты запоешь, когда господин Федосеев окажется за решеткой! Я выцепила тоненькую сигаретку, взяла ее губами и пощелкала зажигалкой.

– И что же это за проверка? – спросила я вслух.

– Нужно будет выполнить одно поручение. Работать будешь в паре со мной. Если справишься с заданием, то можешь считать, что знакомство с Прохором тебе обеспечено. Как тебе такой вариант? По рукам?

Я почувствовала себя загнанной в угол. Что еще за поручение такое? А если... Впрочем, жизнь научила меня одному простому правилу: в любой непонятной ситуации главное – сохранять спокойствие и делать хорошую мину даже при самой плохой игре. Так что я закинула ногу на ногу, в точности отзеркалив позу своего собеседника, выдохнула сигаретный дым и, глядя прямо Кронштадтскому в глаза, деловито поинтересовалась:

– Что за поручение?

– Значит, согласна! Я так и думал, – удовлетворенно улыбнулся он.

Откровенно говоря, мое задание до сего дня состояло только в одном – вывести правоохранительные органы на Прохора Федосеева. Ради этого я могла себе позволить обыгрывать пару-тройку заядлых картежников, чтобы в итоге познакомиться с легендарным Кронштадтским. Но вот выполнять задания покерных мошенников в мои планы никак не входило. Разумеется, признаться в этом моему собеседнику я не могла, а идти на попятную было уже поздно. Так что пора было отчаянно блефовать.

Я сделала еще одну затяжку, тщательно раздавила окуроч в пепельнице и только после этого снова подняла глаза на мужчину, сидящего напротив меня, протянула ему руку и уверенно сказала: «По рукам!» В этот момент я четко понимала, что подписываюсь под каким-то гнилым делом. Кронштадтский только хмыкнул, стиснул мою руку в ответном рукопожатии, придвинулся чуть ближе к столу и заговорил:

– Сегодня в двенадцать часов дня в Тарасов из столицы приезжает Марк Полонский – банкир, достаточно известный в своих кругах брокер и неплохой биржевый игрок. То есть деньги у него есть. – Он выдержал паузу, подумал и добавил: – Много денег. А еще он чертовски азартен, любит рискнуть и не прочь сыграть партейку-другую в покер. А это значит, что... – он снова сделал многозначительную паузу и выразительно на меня посмотрел.

Я склонила голову набок, сделала хитрые глаза и постаралась как можно убедительнее сыграть навязанную мне роль авантюристки:

– ...что он наш клиент, – закончила я фразу.

– Верно мыслишь, – одобрительно кивнул мой собеседник.

– Так за чем дело стало? Нужно выяснить, в какие игорные заведения он любит навещаться, оказаться с ним за одним игральным столом, а уж дальше...

– Э-э-э, стоп! – прервал меня Кронштадтский. – Если бы все было так просто! Полонский приезжает в Тарасов по делам, пробыть в городе он намерен буквально несколько дней. График у него более чем насыщенный, заглядывать ни в какие казино он не намерен. Более того, господин Полонский не любит открыто появляться в злочных местах, где кишат рядовые покерные игроки. Он вообще редко играет и уж если садится за покерный стол, то предпочитает это делать в узкой компании и, так сказать, в закрытых стенах: у кого-то дома или в частном ресторанчике, хозяин которого становится его соперником по игре. Понимаешь, о чем речь?

Я внимательно слушала, но пока не очень понимала, куда именно клонит Кронштадтский.

– Наша с тобой задача – заинтересовать его и сделать так, чтобы он сам предложил нам с тобой сыграть, – закончил мой будущий поделщик.

– Но как? – ахнула я.

– Слушай внимательно. – Мой собеседник бросил косой взгляд налево-направо, еще ближе придвинулся к столу и подался вперед так, что стал казаться еще более сутулым. – Мы с тобой должны заселиться в гостиницу «Реванш».

– А как же... – хотела было спросить я, но он продолжал:

– Номер уже забронирован. Поселимся вместе, для всех мы будем супружеской парой – Антон и Евгения Абрамовы.

– А-а-а...

– Паспорта на новые имена готовы, – предупредил Кронштадтский мой следующий вопрос. – По легенде мы муж и жена, приехали из Варшавы навестить могилу моей русской прабабки и пройтись по историческим местам, где когда-то жили мои предки. Ты, разумеется, вызвалась сопровождать супруга в этой поездке.

– Зачем все эти детали? – поморщилась я, боясь, что запутаюсь в этом обилии лживой информации.

– Затем, что в нашей работе важны выверенные и тщательно подтасованные факты.

– Мы что, не могли приехать откуда-нибудь из России? Я не знаю польского! – недовольно возразила я.

– Прости, но паспорта удалось сделать только с польским гражданством. А язык тебе знать вовсе и не обязательно. Если что, ты всю жизнь жила в России, вышла замуж за меня, коренного поляка, и переехала в Варшаву. Запомнила?

– Запомнила.

– И еще один момент, – добавил Кронштадтский напоследок. – В нашей работе каждый сам за себя. Если попадешься или провалишь задание, то пропадай одна и о знакомстве с Федосеевым уж тогда точно забудь. Поняла?

– Поняла.

– Тогда едем. Нам нужно успеть заселиться в «Реванш» до приезда Полонского.

С этими словами он решительно встал из-за столика и накинул на плечи пальто.

Его предусмотрительность и оперативность повергли меня в шок. Полчаса назад еще не было даже точно известно, приду я или нет, и уж тем более соглашусь ли я на то, что мне будет предложено. А между тем когда я пришла, на столе меня ждал мой любимый эспрессо, а на мое имя уже был заготовлен фальшивый паспорт и забронирован номер в гостинице. Сам Кронштадтский, как выяснилось, для заселения в «Реванш» прихватил спортивную сумку и чемодан с вещами для подтверждения легенды о путешествующих супругах-поляках.

И вот теперь мы стояли с ним вдвоем на невысоком крылечке «Маркони»: он впереди, я (по привычке, выработанной за годы работы телохранителем) чуть в стороне. Студеный ветер путал его черные как смоль волосы, хлопал лапами его длинного пальто, швырял прямо под ноги давно опавшие потрепанные листья. «До чего же уставший и одинокий этот человек», – уже в который раз пронеслось у меня в голове при взгляде на Кронштадтского. Он зябко повел плечами, откинул со лба длинные пряди растрепанных волос и обернулся ко мне.

– По твоей вине я вчера остался без колес. Так что теперь придется передвигаться на твоей тачке, – сухо сказал он.

Мимолетное ощущение, что передо мной не аферист и мошенник, с которым нужно держать ухо востро, а обычный человек, смертельно уставший от тягостных будней, тут же рассыпалось, как накануне в машине. Я вдруг почувствовала, как сыро и слякотно на улице, и плотнее запахнула полы своего плаща.

– Мой «фольк» на той стороне улицы. Только мне нужно будет заглянуть на пару минут домой, – предупредила я.

Почти до самого дома мы ехали в абсолютной тишине. Кронштадтский смотрел в окно и думал о чем-то своем, я настраивала себя на пребывание в обществе малоприятного мне мужчины в течение нескольких дней, что было для меня тяжелейшим испытанием. Только когда мой «фольк» свернул с основной дороги, юркнул в арку и замер точно у родного подъезда, я обернулась к своему попутчику.

– Если поднимешься вместе со мной, то обещаю угостить чашечкой кофе, – пообещала я, лучезарно улыбаясь.

По сценарию мне полагалось изображать восторг от предстоящей махинации и пребывать в легкой эйфории, предвкушая знакомство с Прохором Федосеевым. На полный восторг и придыхание моих актерских способностей не хватило, но быть любезной с неприятным мужиком мне удалось.

– Нет, уж лучше подожду тебя здесь, – отозвался Кронштадтский.

– Отчего так? Привык являться в гости к женщинам исключительно глубокой ночью, без приглашения и через окно? – съязвила я, не удержавшись в рамках своей роли. – Еще, поди, и пошарить по их вещичкам не прочь?

– Ты о чем? – вскинул брови Кронштадтский.

– Где ты раздобыл мое фото для поддельного паспорта? Не иначе как шарился по шкафам! – припечатала я. И, спохватившись, что слишком увлеклась обличительными речами, уже мирным тоном добавила: – Ладно, сейчас быстренько соберу вещи и вернусь. Буквально пять минут.

Я пулей взвилась по лестнице на третий этаж, на раз-два открыла дверь в квартиру и крикнула с порога:

– Тетушка Мила!

Но никто не вышел встречать меня в коридор, и в тетушкиной комнате тоже было пусто. В кухне на обеденном столе я нашла клочок бумаги, на котором знакомым размашистым почерком было написано: «Ушла за вещами в химчистку. На обед будут котлетки. Надеюсь, мне не придется их разогревать для тебя. Тетя Мила». Ах, милая моя тетушка! В мире, где люди давно уже звонят друг другу на мобильный в любое время дня и ночи, если необходимо срочно что-то сказать, пишут друг другу эсэмэски и всюю общаются в мессенджерах, такие записочки, случайно найденные на кухонном столе, выглядят особенно трогательно. На самом деле у тетушки, конечно, тоже есть мобильный телефон. Только он очень простой, и пользуется она им крайне редко. А эсэмэски и вовсе писать не умеет.

Впрочем, мне сейчас было не до сантиментов. Я ворвалась в свою комнату, распахнула шкаф и стащила с верхней полки дорожную сумку. Одной рукой я стала лихорадочно сдвигать с вешалок вещи и швырять их на дно сумки, а второй тыкала в кнопки телефона. Как только на том конце линии взяли трубку, я затараторила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.